

ИСТОРИЯ, НАРОДНОСТЬ, ПОЛИТИКА И ВОЙНА.

Бесѣды военнаго на современныя темы.

(Окончаніе) ¹⁾.

Валиційскихъ малороссовъ, прозванныхъ въ Австріи «ру-
синами», и близкихъ къ нимъ, по нарѣчію, венгерскихъ
угро-россовъ въ Австро-Венгріи проживаетъ не менѣ
пяти милліоновъ.

По официальной же статистикѣ 1900 года считали всего: въ
Восточной Галиціи—3,100 тысячъ душъ, въ Буковинѣ—300 тыс.
человѣкъ малороссовъ, а въ Венгріи—500 тысячъ угро-россовъ, а
всего—3,900 тысячъ русскихъ. О неправильности такого счета
лучше всего свидѣтельствуешь то обстоятельство, что въ Венгріи
тогда же насчитали 7,431 тысячъ человѣкъ мадьярской національ-
ности, въ томъ числѣ 11%, т.-е 817 тыс. чел., православныхъ; но
кому же неизвѣстно, что природныхъ мадьяръ православнаго вѣро-
исповѣданія вовсе не существуетъ? Что въ Венгріи и Галиціи пре-
слѣдуютъ православныхъ, какъ простыхъ преступниковъ, объ этомъ
свидѣлствуютъ нерѣдкіе случаи «политическихъ» убійствъ, какъ
православныхъ мірянъ, такъ и священниковъ: о.о. Гудима, Сандовичъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

и іеромонахъ Петръ (послѣдній священствовалъ въ Подъяремной Руси). Изъ этого видно, что 817 тысячъ православныхъ мадьяръ, приведенныхъ венгерскою официальною статистикою, конечно, славянскаго происхожденія, т.-е. малороссы и сербы. Извѣстно, что къ мадьярской національности причисляютъ въ Венгріи всѣхъ, кто какъ-нибудь въ состояніи объясняться на мадьярскомъ языкѣ: славянь, румынь, евреевъ, нѣмцевъ, цыганъ, въ особенности, если они сочувствуютъ мадьярамъ. Такихъ ренегатовъ прозвали тамъ «мадьяронами». Мадьярономъ былъ, напр., извѣстный диктаторъ венгерскій 1847—1849 гг., Кошутъ, бывшій славянскаго происхожденія. Чистокровные же мадьяры, какъ извѣстно, вымираютъ; они поддерживаютъ свою національность при помощи смѣшанныхъ браковъ съ иноплеменниками и преимущественно со славянами.

Границы территоріи, населенной малороссійскимъ элементомъ въ Австро-Венгріи, слѣдующія: вся восточная Галиція до р. Сана (Червонная Русь), сѣверо-восточная Венгрія отъ Карпатъ до городовъ: Бардѣва, Пряшова и Кошицы (Кашау), затѣмъ вдоль верхняго теченія р. Тиссы и до р. Серета, гдѣ буковинскіе малороссы сливаются съ нашими, близъ м. Хотина.

Галицкая Русь находилась подъ властію Польши съ 14-го вѣка, а Угорская Русь въ зависимости отъ мадьяръ чуть ли не съ самаго ихъ появленія въ Панноніи, т.-е. съ 9—10 столѣтій.

Угро-россы—это самая забитая, терроризованная венгерскими властями, отрасль славянскаго племени, безъ историческаго прошлаго; до недавна у нея не было ни интеллигенціи и литературы, ни сознательной народной жизни.

Въ 1848 году угро-россы, подобно хорватамъ и румынамъ, сражались противъ возставшихъ мадьяръ, за что эти послѣдніе жестоко имъ мстятъ. Нужно ближе знать тяжелый гнетъ мадьярскаго режима, видѣть отношенія мадьяръ къ инородцамъ и въ особенности къ славянамъ, быть свидѣтелемъ непримѣрно рѣзкихъ пріемовъ ихъ администраціи, чтобы отдать справедливость живучести угро-россовъ, выдержавшихъ подобное гоненіе въ теченіе столькихъ вѣковъ и, несмотря на это, не утеравшихъ ни языка, ни вѣры, ни обычаевъ. Этому очевидно способствовала суровая обстановка жизни этого народа, въ Карпатскихъ горахъ, среди бѣдности и простоты нравовъ, закалившая его характеръ.

Угорская Русь дольше Галиціи отстаивала православіе. Тамъ православные въ концѣ XVIII вѣка насильно были причислены къ униі, но тайно остались православными. Въ лѣсныхъ дебряхъ Карпатъ они до сего времени скрываютъ свои молитвенные дома

и свои русскія школы. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, при переходѣ, въ составъ австрійской воинской части, черезъ Карпаты, изъ Венгріи въ Галицію, самъ я видѣлъ, какъ нижніе чины малороссійской національности квартировали въ крошечной, ветхой русской церковкѣ, среди дремучаго лѣса, окружавшаго запрятаннаго въ окрестностяхъ бѣдныхъ жилища русскаго населенія.

Прежде рѣдкіе представители интеллигенціи этого народа обыкновенно мадьяризовались и, лишь начиная съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. въ теченіе послѣднихъ 20—30 лѣтъ, замѣчается и на Угорской Руси стремленіе къ болѣе сознательной національной жизни.

Угро-россы сохранили свой языкъ болѣе чистымъ, чѣмъ галиційскіе ихъ соплеменники; несмотря на преслѣдованія, у нихъ развивается грамотность и даже своя, правда, пока скудная литература и издается на ихъ нарѣчій единственная газетка. Недавнее введеніе богослуженія на мадьярскомъ языкѣ, судебные процессы и даже убійства выдающихся исповѣдниковъ православія среди угро-россовъ значительно разжигаютъ въ нихъ національное чувство.

Это народъ, сердцу русскому близкій, такъ долго со смиреніемъ несущій свою безнадежно тяжелую участь. Здоровой массы его простонародія пока не коснулось уродливое украинофильство, насажденное нѣмцами и поляками среди галиційскихъ малороссовъ. Сохраненію на Угорской Руси русскаго духа способствуютъ также ихъ сношенія съ американскою православною церковью, гдѣ угорскіе эмигранты имѣютъ возможность открыто исповѣдывать православіе.

Неудивительно, если среди этого безпомощнаго, матеріально эксплуатируемаго и нравственно испытываемаго народа иногда появляются и жалкіе измѣнники—мадьяроны. За то онъ гордится и свѣтлыми личностями, какъ, напримѣръ: извѣстнымъ А. И. Добрянскимъ, священникомъ о. Раковскимъ, кр. Акимомъ Вакаровымъ и другими ²⁾.

Въ нѣсколько иномъ положеніи находятся русскіе же галичане.

Несмотря на привилегированное положеніе поляковъ, пока сумѣвшихъ сохранить за польскимъ языкомъ преобладаніе въ присутственныхъ мѣстахъ, на судѣ и въ управленіяхъ, въ Галицкой Руси давно развилась политическая жизнь; число русскихъ пред-

²⁾ Желающіе подробно ознакомиться съ тяжелымъ положеніемъ Угорской Руси, найдутъ интересныя свѣдѣнія въ прекрасномъ трудѣ графа П. А. Бобринскаго: «Пражскій съѣздъ. Чехія и Прикарпатская Русь». С.-Петербургъ, 1909 г.

ставителей въ Львовскомъ сеймѣ и въ австрійскомъ парламентѣ растутъ; у нихъ есть своя печать, свой «народный совѣтъ», русскій «народный домъ» съ музеемъ и цѣнною библіотекою, свои кредитныя учрежденія, множество полезныхъ обществъ (земледѣльческія, комерческія, пѣвческія, студенческія и др.); крестьяне собираются на своихъ народныхъ «вѣчахъ». Они имѣютъ своего митрополита, свои низшія и среднія учебныя заведенія, съ общежитіями, называемыми «бурсами», тысячи деревенскихъ читаленъ имени Качковскаго (основанныхъ извѣстнымъ русскимъ дѣятелемъ, о. І. Наумовичемъ) и въ настоящее время имъ гарантировано даже учрежденіе русскаго (т.-е. украинскаго) университета. На Угорской Руси все это запрещено. Въ церковномъ отношеніи интересы православія оберегаеть, до извѣстной степени, древнее церковное братство, такъ называемый «ставропигіальный институтъ», пользующійся древними привилегіями.

Матеріальное положеніе галиційскихъ малороссовъ, при существующихъ условіяхъ, мало удовлетворительно: земледѣліе, въ общемъ, отстало, крестьяне задолжены, промышленность и торговля находится въ польскихъ, нѣмецкихъ и чаще всего въ еврейскихъ рукахъ. Галиційскаго крестьянина издавна безпощадно эксплуатируетъ еврей, полякъ и нѣмецъ. Фанатическое еврейство (хасиды) давно свило себѣ надежное гнѣздо въ Галиціи, прозванной потому австрійцами въ насмѣшку «обѣтованной землею».

Политическая же борьба «украинцевъ» съ польскимъ режимомъ—въ полномъ разгарѣ, но успѣхи первыхъ сомнительны. Русскихъ народныхъ дѣятелей, внѣ ихъ собственной среды, вмѣсто почета и обезпеченнаго положенія, все еще ожидаютъ униженія и преслѣдованія со стороны поляковъ.

Роковой для малороссійскаго народа является привитая ему, врагами славянъ, «украинская идея», т.-е. враждебное Россіи и русскимъ представленіе о будущей самобытности украинскаго народа, съ призрачнымъ самостоятельнымъ украинскимъ царствомъ и столицею въ Кіевѣ, если не въ Константинополѣ! И подобная сепаратистская химера находитъ сторонниковъ въ настоящее время, когда единеніе даже крупныхъ государствъ въ тѣсные союзы, съ точки зрѣнія міровыхъ ихъ задачъ, является политической необходимостью!

Въ теченіе продолжительнаго своего владѣнія западными частями Малороссіи, поляки старались ассимилировать малороссовъ, внушая имъ мысль, что русины лишь отрасль польскаго народа. Однако, имъ пришлось разочароваться въ этомъ отношеніи и это

внушило имъ мысль посѣять среди малороссовъ вражду къ Россіи, какъ «поработительницѣ» славянъ, возбудивъ въ нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣренность въ великомъ будущемъ «украинскаго народа», составляющаго будто не отрасль русскаго народа, а отдѣльный, близкій польскому, народъ. За эту мысль ухватились вліятельные круги Вѣны и Берлина, такъ какъ въ ней они усмотрѣли сильное орудіе противъ единенія славянъ съ Россіею. Открылась самая дѣятельная агитація въ пользу украинскаго движенія. Общими усиліями враждебныхъ Россіи и славянству элементовъ, удалось настроить большую часть «русинскихъ» представителей и въ особенности молодежи въ пользу украинской политики и, шагъ за шагомъ, создать «украинскій» языкъ, школы, «украинское» духовенство, учителей, вообще интеллигенцію, и ввести украинское нарѣчіе въ присутственныя мѣста чисто русскихъ мѣстностей. Между поляками и украинцами временно установилось согласіе, и новое «украинское» движеніе было распространено и на нашъ юго-западный край.

Натравивъ Малороссію на Россію, эта партія возмечтала о военномъ выступленіи, совмѣстно съ Австріею, польскаго и «украинскаго» народовъ противъ Россіи и объ основаніи «Украинскаго царства въ Кіевѣ, подъ эгидою «Новой Великой Австріи». Въ такомъ, буквально, вздорномъ тонѣ, еще очень недавно писали нѣкоторые вліятельные органы вѣнской печати.

Къ счастью, въ Галиціи существуетъ также и русская народная партія, вполне сознающая весь вредъ, для самыхъ малороссовъ и для славянства, «украинскаго» движенія. Она твердо держится мысли о единствѣ съ русскимъ народомъ и солидарности интересовъ всѣхъ славянъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, конечно, восторжествуютъ, временно, подстрекательства нашихъ враговъ, подобно тому, какъ недавно увѣнчались успѣхомъ подобныя же козни враговъ славянъ на Балканахъ; но, въ концѣ концовъ закаленное въ сознательной борьбѣ съ своими недругами, ядро зарубежнаго славянства научится различать своихъ друзей отъ недоброжелателей, прикидывающихся доброжелателями. Никогда оно не измѣнитъ идеѣ сближенія и единенія славянства, такъ какъ въ ней одной заключается гарантія лучшаго будущаго для всѣхъ, безъ исключенія, славянскихъ народовъ, малыхъ и великихъ.

Остается коснуться еще *словинцевъ* (которыхъ нѣмцы называютъ «виндами» или «вендами»), населяющихъ, въ количествѣ около 2³/₄ милліоновъ, южную Штирію (Steiermark), съ городомъ

Мариборомъ (Marburg), откуда они распространяются на небольшую часть Венгріи, затѣмъ Каринтію или Корутанію, съ городами Цѣловцемъ и Люблянью (Laibach); потомъ они переходятъ за черту итальянской границы, до г. Горицы (Görz) и Градиска, занимающая побережье Адриатическаго моря до г. Терста (Тріестъ). Городъ Венеція несомнѣнно получилъ свое названіе отъ этого народа, прозваннаго вендами.

Подобно тому, какъ чехи далѣе другихъ славянскихъ народовъ проникли на сѣверо-западъ Европы, почти въ центръ германскаго міра, такъ словинцы удержались на юго-западѣ, вдоль территоріи, населенной романскимъ племенемъ. Оба названные славянскіе народа отдѣляютъ другъ отъ друга пространство шириною всего въ 190 верстъ по прямому направленію; между тѣмъ древнія названія отдѣляющихъ ихъ, нынѣ уже давно онѣмеченныхъ, мѣстностей, какъ, напримѣръ: городовъ Градецъ (Graz), Стьерь (Steier), Линець (Linz), Вѣдень (Wien, по римски Виндобона», т.-е. столица Виндовъ), и рѣкъ: Драва, Сава, Муръ, да и многихъ горныхъ пунктовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что тѣснившій славянь, съ запада, германскій элементъ здѣсь прорвалъ сомнѣнный когда-то раіонъ, сплошь населенный славянами.

Словинскій языкъ приближается къ сербо-хорватскому, но онъ болѣе пѣвучій. Подобно хорватамъ и чехамъ, словинцы употребляютъ латинскую азбуку и исповѣдуютъ, по преимуществу, римско-католическую религію. Словинцы никогда не играли самостоятельной роли въ исторіи и не объединялись, а дѣлились на небольшія княжества или герцогства, которыя въ самомъ началѣ своего существованія подчинились австрійскимъ герцогамъ. Это страна преимущественно горная, съ плодородными, живописными долинами.

Простонародье любитъ музыку и пѣніе; во время полевыхъ работъ здѣсь можно услышать стройное пѣніе; но, подобно другимъ южнымъ народамъ, находящимся въ выгодныхъ природныхъ, а въ особенности климатическихъ условіяхъ, словинцы дѣлаютъ впечатленіе нѣсколько неподвижнаго, безпечнаго народа. Когда я временно проживалъ въ Штиріи, въ окрестностяхъ г. Марибора, меня поражало, что крестьяне зимой и лѣтомъ ходятъ почти въ одинаковой тяжелой одеждѣ, даже въ полушубкахъ. Тѣмъ не менѣе народъ достигаетъ довольно высокаго уровня благосостоянія.

У словинцевъ сохранились памятники ихъ языка, происходящіе изъ 10-го вѣка. Въ 16-мъ вѣкѣ переведена была на словинскій

языкъ библія и, начиная съ 18-го и половины 19-го столѣтія, словинская литература понемногу развивается.

Словинцы искренно привязаны къ идеѣ славянскаго единенія и взаимности. Несмотря на тяжелую борьбу, которую они ведутъ за національныя свои права въ австрійскомъ парламентѣ, они никогда не кривили душою въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ славянамъ. Въ политической жизни у нихъ повсемѣстно преобладаютъ лютыя ихъ враги, нѣмцы, которые не дѣлаютъ имъ ни малѣйшихъ уступокъ, хотя въ Австріи уже 53 года на бумагѣ существуетъ конституція и равноправность всѣхъ народовъ. Какъ трудно имъ дается эта борьба, можно судить по тому факту, что лишь въ 1913 году имъ удается открыть первую, чисто-словинскую гимназію въ Австріи. Политическое положеніе словинцевъ, вообще, немногимъ лучше положенія угро-россовъ въ Венгріи.

Лужичане или такъ называемые Лужицкіе сербы (ихъ нѣмцы знаютъ только подъ названіемъ «вендовъ») живутъ въ Саксоніи, около г. Будушина (Бауценъ), и въ Пруссіи, на р. Шпре, около гг. Хочебужа (Котбусъ) и Губина, въ количествѣ около 164 тысячъ душъ.

Хотя подъ вліяніемъ общаго подъема въ западной Европѣ національныхъ чувствъ, и ихъ коснулась заря народнаго возрожденія въ срединѣ 19-го вѣка и, стараніемъ ихъ патріотовъ: Смоляра, Горника и др., у нихъ возникла своя литература, пресса, развилось до нѣкоторой степени національное сознаніе и, хотя они сохранили, рядомъ съ нѣмецкимъ, еще свой языкъ, славянскіе обычаи, народныя пѣсни и свой народный костюмъ, но численность ихъ мало увеличивается; это свидѣтельствуетъ о томъ, что, подъ желѣзнымъ режимомъ Германіи, значительная часть ихъ постоянно онѣмечивается.

Лужицкое нарѣчіе напоминаетъ чешскій, польскій и отчасти сербскій языки. Лужицкіе славяне преимущественно протестанты.

Кашубы по языку близки къ полякамъ. Они, въ количествѣ 109 тысячъ душъ, живутъ по нижнему теченію р. Вислы, около гор. Гданска (Danzig), и на небольшомъ протяженіи Балтійскаго побережья.

Славянское сознаніе у нихъ мало развито и они все болѣе онѣмечиваются, какъ видно изъ того обстоятельства, что въ 1890 году ихъ считали еще 150, а въ 1910 году уже лишь 109 тысячъ душъ.

Посмотримъ, какъ боевые успѣхи балканскаго союза повліяли на австрійскихъ славянъ.

О сербо-хорватахъ нечего и говорить; это часть того же сербскаго народа, который съ такимъ самоотверженіемъ помогъ закончить дѣло освобожденія южныхъ славянъ отъ турецкаго ига. Чехи всѣ, безъ различія партій, были на сторонѣ славянскаго союза и помогали, чѣмъ могли, своимъ братьямъ, праздновали съ ними каждую побѣду и, когда Австрія мобилизовала своихъ запасныхъ противъ Россіи, то чешскіе резервисты не ограничивались одними пустыми протестами, за что и жестоко пострадали. Ихъ примѣру послѣдовали отчасти и словинцы. Въ началѣ войны, австрійское правительство не придавало этому обстоятельству большого значенія, рассчитывая, съ увѣренностью, на побѣду турокъ. Но когда, вмѣсто исчезающей со сцены Турціи, на южномъ горизонтѣ Европы появился миражъ новой великой державы славянской, весь германскій міръ встрепенулся. Неожиданные успѣхи славянъ были чувствительнымъ ударомъ для агрессивныхъ плановъ его міровой политики. Съ того момента враги славянъ не упустили ничего, что могло бы повліять на европейскую дипломатію въ смыслѣ поколебанія славянскаго единства и устраненія Россіи отъ участія въ дѣлѣ окончательнаго рѣшенія Восточнаго вопроса. Имъ удалось даже поссорить славянъ между собою, съ тѣмъ, чтобы ихъ лишить плодовъ ихъ побѣдъ, и въ этомъ они до извѣстной степени достигли своей цѣли.

Не нужно особенной прозорливости, чтобы разобратъся въ различныхъ проявленіяхъ враждебной славянамъ политики того времени. Впрочемъ, Германія, устами своего канцлера, сама открыто высказалась по этому предмету. Только Австрія какъ будто не понимаетъ своего положенія.

Кто же не видитъ, что развязка великихъ, всемірныхъ проблемъ, въ томъ числѣ и славянской, является лишь вопросомъ недалекаго будущаго? Между тѣмъ эта развязка можетъ надолго рѣшить будущія судьбы народовъ современнаго культурнаго міра.

На фонѣ общей картины настоящаго ³⁾ политическаго положенія Европы рѣзко выдѣляется хаосъ внутренняго разлада Австріи, которая скоро можетъ очутиться передъ дилеммой: принадлежать ли ей окончательно къ Германіи, или же распасться въ той, внѣшней-немецкой стихіи, изъ которой, въ сущности, она происходитъ и которая ее окружаетъ?

Достаточно взглянуть на этнографическую карту этой имперіи, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Весь сѣверъ Австро-Венгрии,

³⁾ Это относится къ 1913 году.

хотя и пропитанный чужими элементами, все же принадлежит, по преимуществу, къ славянскому міру. Западные окраины—нѣмецкія. Населеніе восточныхъ областей Австріи—смѣшанное, съ преобладаніемъ, на сѣверо-востокѣ славянскаго, а на юго-востокѣ румынскаго элемента; весь же югъ имперіи опять славянскій. Центръ также смѣшанный; въ восточной его половинѣ выдѣляется искусственно поддерживаемый мадьярскій, а въ западной половинѣ нѣмецкій элементъ.

Всѣ слои этого столь пестраго населенія сосѣдней съ нами имперіи въ теченіе полувѣка изощряются въ самой упорной, пронырливой политической борьбѣ, какую только представить себѣ можно, а это придаетъ состязанію различныхъ національныхъ группъ значеніе назрѣвающихъ темныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ зависѣть болѣе отъ внѣшнихъ вліяній, чѣмъ отъ этихъ народовъ.

Путемъ мирнаго соглашенія эти запутанные національные и политическіе вопросы, задѣвающие жизненные интересы центральной и восточной Европы, отнюдь рѣшены быть не могутъ: если бы это было возможно, они давно были бы рѣшены. Силою, стремящейся къ одностороннему ихъ рѣшенію, является, прежде всего, Германія, на буксирѣ которой идутъ австрійскіе нѣмцы, мадьяры, а отчасти и поляки. Въ интересахъ нѣмечества было бы немедленное устраненіе враждебнаго ему сліянія чешскаго элемента на сѣверѣ имперіи и сербо-хорватскаго на югѣ. Какъ опытъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ доказываетъ, подобная задача не по силамъ одной Австріи, безъ помощи Германіи. Слѣдовательно, для одолѣнія западныхъ славянъ, сліяніе Австріи съ Германіею необходимо (съ нѣмецкой точки зрѣнія).

Противоположною силою, могущей рѣшить всѣ эти вопросы въ смыслѣ благопріятномъ для славянъ, нужно признать (если держаться апріорнаго метода изслѣдованія вопроса) Россію, въ совокупности съ соединеннымъ (въ идеѣ) славянскимъ міромъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ къ сліянію австрійскихъ нѣмцевъ съ Германіею отнесется эта сила, и не встрѣтитъ ли она при томъ сочувствія у западныхъ сосѣдей Германіи?

Отъ горемычнаго политическаго положенія Австріи, сдѣлавшаяся притчею во языцѣхъ, болѣе всего страдаетъ славянскій элементъ, а выгадываютъ нѣмцы, мадьяры и ихъ союзники поляки. Въ Австріи каждый шагъ славянъ считаютъ государственной измѣной, а вторыхъ—патріотической заслугой. Разсчетъ польскихъ политиковъ—это разсчетъ отчаяннаго игрока. Съ другой стороны,

остальнымъ западнымъ славянамъ нельзя не замѣчать, что они живутъ далеко отъ сферы прямыхъ русскихъ интересовъ и что для Россіи они имѣютъ значенія лишь настолько, насколько она признаетъ общность съ ними извѣстныхъ, пока еще отдаленныхъ, интересовъ. Но западные славяне сравнительно еще недавно были свидѣтелями подобныхъ же отношеній, существовавшихъ между жителями сѣверныхъ и южныхъ германскихъ государствъ; они видѣли, какъ, ненавидѣвшихъ другъ друга, баварца и пруссака въ послѣдствіи крѣпко сплотила идея нѣмецкаго единства, на которой зиждется все политическое, культурное и экономическое могущество германскаго міра. Они вѣрятъ и надѣются, что подобныя же побужденія и расчеты ранѣе или позже должны сблизить также и православныхъ русскихъ съ западными славянами. Вѣдь значеніе западныхъ славянъ для Россіи и, наоборотъ, значеніе для славянъ великой, сильной Россіи лучше всего оцѣнивають, по собственному опыту, нѣмцы. Потому они преслѣдуютъ и губятъ западныхъ славянъ гдѣ только могутъ, открыто и безпощадно, зная, что послѣдніе не могутъ платить имъ тѣмъ же. Тѣ же нѣмцы, прусскіе и австрійскіе, всѣми силами вредятъ и всѣмъ прочимъ славянамъ, не исключая русскихъ, но только скрытно, такъ какъ слишкомъ явныя обиды могли бы обостриться имъ, съ этой стороны, дорого.

Остается рѣшить вопросъ: имѣеть-ли, при условіи настоящаго положенія современнаго политическаго міра, идея славянскаго единенія практическое значеніе для Россіи и русскихъ?

О томъ, какое значеніе она могла бы имѣть въ дѣлахъ, одинаково важныхъ для Россіи, какъ и для славянъ, можно судить по недавнимъ, хотя и кратковременнымъ, успѣхамъ союза балканскихъ народовъ, которые несомнѣнно покончили бы съ владычествомъ въ Европѣ турокъ и, вѣроятно, справились бы со всѣми возможными политическими осложненіями, если бы только остались единодушными до донца. Къ сожалѣнію, увлеченіе заглушило въ нихъ здравый разумъ и они затѣяли братоубійственную войну, отдали въ руки враговъ славянства огромныя выгоды и, создавъ множество несчастія въ будущемъ, затормозили, на время, дѣло славянскаго прогресса и единенія.

Болѣе поучительный, чѣмъ этотъ настоящій урокъ, трудно себѣ и представить. Если бы балканскій союзъ сумѣлъ удержать за собою плоды своихъ побѣдъ, единодушно отражая всѣ козни коварной политики своихъ сосѣдей, то это возымѣло бы благопріятное вліяніе на самые жизненные интересы и всѣхъ прочихъ славянъ, не исключая Россіи. Весь восточный вопросъ, съ его подраздѣленіями

надѣла, касающіяся проливовъ, Адриатическаго, Эгейскаго и вообще Средиземнаго морей, даже судьба Константинополя, гдѣ такъ стараются утвердиться нѣмцы, армянскій, персидскій и малоазіатскій вопросы,—все сложилось бы иначе, чѣмъ складывается нынѣ, послѣ повторенія въ XX вѣкѣ дикаго зрѣлища старой славянскои розни, забыть которую давно пора.

Въ виду опасностей, угрожающихъ славянскому племени съ запада и востока, единеніе славянскаго міра лежитъ въ интересахъ не только славянъ, но и Россіи и русскихъ. Въ особенности, еслибы великія событія, какихъ раньше или позже можно ожидать на Дальнемъ востокѣ, совпали съ общеевропейскими замѣшательствами, то западные и южные славяне очень бы намъ пригодились.

Основываясь на историческомъ опытѣ, можно, вообще, заключить, что *безъ Россіи ни болгары съ сербами, ни другіе славяне (не исключая поляковъ) никогда успѣшно не подвинутъ ни свои частныя, ни общеславянскія дѣла.* Все зависитъ отъ того, какъ къ нимъ отнесется Россія. Однако, нужно ли добавить, что безъ славянъ, южныхъ и западныхъ, и Россія должна была бы отказаться отъ славянскои политики, отъ роли подобной той, какую въ свое время Пруссія сыграла по отношенію къ прочимъ нѣмецкимъ землямъ, т.-е. отказаться отъ высокаго историческаго своего призванія, о которомъ мечтали многіе свѣтлые умы лучшихъ ея сыновей?

Затронутые мною вопросы часто обсуждаются въ печати и въ обществѣ.

Одни приходятъ къ заключенію, что, какъ бы то ни было, подобные вопросы ранѣе или позже непременно разрѣшатся силою оружія и что до такой именно развязки дойдетъ, не смотря на искреннее миролюбіе однихъ и нерѣшительность другихъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе доведенія до чрезмѣрнаго напряженія, съ одной стороны—милитаризма, а экономической системы и финансовъ—съ другой. Безъ крайняго скопленія военныхъ силъ, Италія не начинала бы Триполитанскую войну и у балканскихъ народовъ не возникла бы мысль соединить, вдругъ, противъ Турціи, для нанесенія ей смертельнаго удара, такія военныя силы, о которыхъ прежде могли мечтать только великія державы; оканчивая же кровопролитную войну, союзники не накинудись бы другъ на друга изъ за дѣлежа добычи; Румынія не подумала бы о вмѣшательствѣ и Турція не послушалась бы совѣтовъ своихъ наушниковъ и не возобновила бы войны послѣ заключенія мира. О компенсаціяхъ не смѣли бы думать и тѣ державы, которыя фактически ихъ потребовали.

Безъ увлеченія милитаризмомъ всеразрушающая стихія военного пожара не катилась бы, разрастаясь подобно огненной лавинѣ, по міру. Нельзя же вѣчно жертвовать всѣмъ мрачному Молоху войны для того, чтобы въ концѣ концовъ эти жертвы остались напрасными и чтобы всеильное орудіе войны оставалось неиспользованнымъ... Нужно же когда-либо употребить его на дѣло!

Принципъ готовности къ войнѣ ради сохраненія мира такъ легко можетъ быть употребленъ во зло... Если постоянно вооружаются всѣ, то наконецъ гдѣ нибудь должна же разразиться борьба! Соревнованіе на почвѣ милитаризма—это слишкомъ опасная, для человѣчества, игра съ огнемъ.

Отказаться же отъ вооруженій однимъ безъ искренняго отказа другихъ значило бы—предать себя и свою родину на милость и немилость врагамъ.

Какъ же достигнуть разоруженія? Неужели только посредствомъ общей борьбы, доведенной до полного истощенія силъ?

Другіе политики утверждаютъ, напротивъ, что европейской войны никогда не будетъ: она невозможна въ виду неустойчивости экономическаго и внутренняго положенія великихъ державъ, которыя отнюдь не могутъ допустить подобной войны, угрожающей имъ гибелью. Дѣйствительно: въ высоко культурныхъ странахъ западной Европы всюду мы видимъ расшатанность прежнихъ устоевъ порядка и всесловное крайнее напряженіе общественнаго настроенія, созданное непосильной, при настоящихъ условіяхъ, борьбою за матеріальное существованіе и неудовлетворенностью преувеличенныхъ потребностей жизни; мы видимъ тамъ бессмысленную часто борьбу съ существующимъ порядкомъ многочисленныхъ элементовъ соціального интернаціонализма и нижнихъ теченій междунаrodnаго анархизма; полный упадокъ религіозныхъ чувствъ, торжество безвѣрія и пустого, безыдейнаго реализма, пониженіе семейнаго начала и испорченность нравовъ; пренебреженіе гражданской доблестью и дерзкую продажность; цинизмъ пролетаріата, рядомъ съ чрезмѣрнымъ эгоизмомъ плутократіи; словомъ общую неуравновѣшенность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

Столь пессимистическая характеристика современнаго общества на Западѣ, конечно, преувеличена. Однако, если міровыя державы серьезно желаютъ избѣгнуть общаго столкновенія, то почему же онѣ не позаботятся объ устраниеніи милитаризма, несомнѣнно являющагося одной изъ главныхъ причинъ колебаній и затрудненій современнаго порядка вещей?

Неужели нѣтъ другаго выхода, кромѣ войны, изъ политическаго положенія, до котораго дожилъ нашъ культурный мѣръ?

Возвратимся къ предмету настоящаго изслѣдованія.

Самая искусная политика не въ состоянїи сдержать естественнаго стремленія различныхъ національныхъ группъ къ такому объединенію интересовъ и такой сплоченности силъ, каковая заключается, напримѣръ, въ идеѣ пангерманизма, панславизма, панисламизма или въ идеѣ союза желтой расы. Между тѣмъ, въ ростѣ національнаго могущества однѣхъ группъ коренится главная опасность для другихъ и она именно ведетъ къ милитаризму, развивающемуся до безконечности. Въ силу сего надъ современными народами постоянно носится призракъ войны. Приэтомъ замаскированная взаимная вражда народовъ прикрывается хитроумной дипломатической игрою, въ которой ничего нѣтъ искренняго, прочнаго; преобладаетъ лишь желаніе обмануть другъ друга. Неужели подобныя отношенія европейскихъ народовъ, другъ къ другу, нормальны?

Я военный всею душою, но, по своей природѣ славянской, не чуждъ смиренія. Потому, да проститъ мнѣ читатель, если я закончу свой очеркъ мечтою, которая не нова и, быть можетъ, обманчива но зато прелестна, какъ представленіе о несказанномъ счастьѣ...

Вѣдь уже и въ настоящее время руководители народовъ инстинктивно стремятся къ огражденію ихъ отъ опасностей, при помощи выгодныхъ и прочныхъ союзныхъ договоровъ, условія и срокъ которыхъ точно опредѣлены. Европа, въ сущности, уже и теперь раздѣлена на два, правда, еще враждебные лагеря.

Развѣ нельзя было бы тѣ-же принципы, которые побуждаютъ дипломатовъ заключать союзы одной группы европейскихъ державъ *противъ* другой, распространить на *обѣ* враждебныя группы, направляя всю политическую комбинацію такого союза на защиту ея интересовъ на всемъ шарѣ, такъ, чтобы сферы интересовъ народовъ бѣлой расы нигдѣ болѣе не сталкивались, а покрывались взаимно?

Если было бы возможно связать общимъ союзнымъ договоромъ постепенно всѣ державы нашей расы, то, со временемъ, быть можетъ, удалось бы примирить подобнымъ же образомъ и различныя расы?

Европейскіе народы давно опасаются союза всѣхъ желтыхъ племенъ, подумывающихъ о защитѣ общихъ своихъ интересовъ отъ возрастающихъ притязаній иностранцевъ. Почему же не допустить возможности заключенія, когда-либо, великаго союза народовъ бѣлой, кавказской или индогерманской расы? Что значатъ различія языковъ и политическіе антагонизмы, въ настоящее время раздѣ-

ляющіе романскіе, германскіе и славянскіе народы, въ сравненіи съ тѣми культурными идеалами, которые насъ связываютъ въ теченіе столькихъ вѣковъ? Ради осуществленія подобнаго союза, который обнималъ бы Европу, Америку, Австралію и цѣлыя пространства остальныхъ частей свѣта, стоило бы согласовать между собою разныя національныя, вѣроисповѣдныя, соціальныя и экономическія начала. Развѣ могло бы представить неодолимыя препятствія предоставленіе каждой изъ національныхъ группъ полной свободы самобытнаго культурнаго развитія, въ рамкахъ союза, съ примѣненіемъ строго справедливаго этнографическаго начала и съ отрѣшеніемъ отъ ветхихъ пережитковъ прошедшихъ временъ, для достиженія компромиса въ вѣроисповѣдныхъ, соціальныхъ и прочихъ вопросахъ, нынѣ спорныхъ?

Правда, пришлось бы отдать, напримѣръ, части Эльзаса и Лотарингіи, населенныя французами, этимъ послѣднимъ и цислейтанскія земли, населенныя нѣмцами, Германіи, соблюдая, въ спорныхъ случаяхъ, принципъ самоопредѣленія народовъ, плебисцита и устраненія всѣхъ возникающихъ международныхъ спорныхъ вопросовъ, посредствомъ общаго арбитража всѣхъ союзныхъ народовъ. Выгоды, которыя получили бы народы отъ такого союза, были бы очевидны. Въ избѣжаніе вооруженныхъ столкновеній между народами союза, необходимо было бы создать великую союзную армію, вполнѣ гарантирующую союзу внѣшнюю безопасность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своему личному составу, строго международную, т.-е. равномерно подобранную изъ различныхъ этнографическихъ элементовъ всего населенія союза.

Рыцарство меча, служеніе родинѣ въ качествѣ защитника ея по призванію, т.-е. званіе, выше котораго нѣтъ съ точки зрѣнія гражданской доблести, совмѣстилось бы съ трудами, направленными на поприще духовной жизни, всесторонняго прогресса въ области культуры, просвѣщенія, литературы и искусствъ и также на достиженіе матеріальнаго преуспѣянія и цѣлесообразной политики, обезпечивающихъ успешное развитіе и благополучіе народовъ.

Всѣ волнующіе насъ нынѣ вопросы были бы разрѣшены мирнымъ путемъ. Частныя разорительныя явленія современнаго милитаризма уступили бы болѣе дешевому милитаризму цѣлой союзной расы. Всѣ народы ожили бы. Наступилъ бы золотой вѣкъ и проблема вѣчнаго мира и совмѣстнаго труда, на пользу человѣчества, была бы рѣшена...

Я. Червинка.